Георгий Владимов - букеровский лауреат, но не гражданин России

ГЕОРГИЙ ВЛАДИМОВ, лишенный в 1983 г. советского гражданства, вот уже 15 лет живет в Германии. Недавно он приезжал в Москву на презентацию наконец-то изданного у нас четырехтомника: "Большая руда", "Три минуты молчания", "Верный Руслан", "Генерал и его армия" (Букеровская премия 1995 г.)...

- В Нидернхаузене вам не скучно? Наверное, спокойная такая провинциальная атмосфера сытого болота?..

- Сытое болото - действительно. Это как спальный район в Москве или Ленинграде. Только - спальный городок. Все в основном работают или во Франкфурте, в 40 км, или в аэропорту. Производства здесь никакого нет - так, магазины, мастерские. Тишина. Утром стадо машин устремляется по улицам из города. Вечером - обратно. Не знаю, мне нравится. Спокойствие. Работаю потихонечку.

- А русские в городе есть?

- Уже появилось много русских, приехавших устраиваться на работу. Это немцы из Казахстана, которых тоже здесь называют русскими.

- У вас есть какой-то круг общения?

- С немцами мне трудно - язык у меня на бытовом уровне: магазин, парикмахерская, бензоколонка, чиновники вроде нашего райисполкома. Это я умею. А вести долгие беседы "за жизнь" не удается. Но и большой потребности в общении нет. В основном - наблюдаю их жизнь.

- Вы сейчас живете один?

- Жена умерла в прошлом году. Скоротечный рак, врачебная ошибка: лечили от подагры, а это был рак.

- И у их врачей такое бывает?

- В Германии люди очень много платят врачам. А где большие деньги, там мало энтузиазма. Наши врачи значительно лучше. Поэтому я приехал лечить глаз в этом году зимой в Москву, катаракту очень удачно прооперировали. Дочь устроила бесплатно, она врач, меня "привели" как бомжа с улицы.

- Вы до сих пор не гражданин своей страны?

- Мне надо просто подтвердить в порядке регистрации, что я принимаю российское гражданство. Но я этого не мог сделать, потому что мне надо после этого покинуть Германию. А у меня до сих пор в Москве нет квартиры. Ее конфисковали, кооперативную, когда меня лишили гражданства.

- А психологически вам не сложно сюда вернуться?

- Возвращение, вживание в новую страну, которая совершенно не та, что была в 1983 году, - это как вторая эмиграция.

- Вы получали премию Букера в Москве в 1995 году. А после был ваш визит зимой 1998 года. Изменилось здесь что-то за эти три года?

- Мало надежды у людей, по-моему, на то, что что-то изменится из-за другого "начальства". Больше надеются люди на свои собственные силы, способности. А кто "там" будет - в конце концов все равно. Мне это понравилось.

В театр пошел. У нас в эмиграции разные слухи ходят - что в России, мол, театры пустуют. Прихожу - полный зал! Даже трудненько билеты достать. Пошел я искать свою книжку на книжную ярмарку на Олимпийский стадион - и там обнаружил. Атмосфера мне там очень понравилась. Снег с дождем, погода мерзкая, но огромная очередь стоит за билетами, чтобы попасть на эту ярмарку. Люди тянутся к книгам, в театры - значит, все не так уж плохо.

- На презентации вашего 4-томника было множество интересных людей - Терехова, Войнович, Елена Боннэр, Наум Коржавин... Это все ваши близкие друзья?

- Как сказал Григорий Поженян о нашей презентации, - "лишних не было". С Войновичем мы знакомы с 1961 г., вместе дебютировали в "Новом мире". Вместе оказались в эмиграции, но он в Мюнхене живет. Терехову я вообще люблю. Мы были дружны через Тарковского. Наум Коржавин - тоже новомировский автор. Я его еще раньше знал, с 1956 г. Были еще Любшин и Глузский - они снимались в картине по моей повести "Большая руда". Василий Аксенов прилетел через день после презентации, поэтому его не было.

- И Солженицына тоже...

- Солженицын позвонил, у нас был долгий разговор. Сказал, что у него второй инфаркт и врачи запрещают ему выходить. Но жена его приехала. Он еще мне написал письмо в Германию, поздравил с выходом в России романа "Генерал и его армия".

- Есть люди, которым вы благодарны - и в смысле поддержки в литературе, и в жизни вообще?

- Редакции "Нового мира", в которую я попал в 1956 г., 25 лет от роду. Я вообще литературного образования не имел - у меня юридическое образование. Наверное, и не надо было заканчивать литинститут. Я прошел целую школу. Печатался в журнале "Театр" у Николая Погодина. Три года потом работал в "Новом мире" при Симонове и Твардовском. Писал рецензии на рукописи - для внутреннего пользования. Этим и кормился. Потом предложили место литредактора в "Новом мире" в отделе прозы. А еще по окончании университета в Ленинграде я пришел в обком и попросил направить меня корреспондентом в газету. И меня направили. Редакция располагалась в избе, а писал я о бригадах лесорубов.

- А перед "Тремя минутами молчания" жили в Мурманске в рыбацкой среде...

- Да, месяца полтора. Это был конец 1961 - начало 1962 г. Жил в общежитии, где живут моряки, нигде не прописанные. А сначала хотел пойти в море журналистом от газеты, корреспондентом.

Мне сказали: если вы пойдете корреспондентом туда, где люди заняты тяжелым трудом, если вы будете там просто пассажиром ходить и бездельничать, никто вам не откроется. Байки будут рассказывать, подначивать небылицами, натолкают полные уши, а вы примете за правду. А если вы по-настоящему хотите познать эту жизнь, надо пойти рядовым палубным матросом.

Трудность была в том, что я до этого никогда не выходил в море, даже пассажиром. Надо как-то ориентироваться, чтобы не убиться. Качка, тросы, механизмы, и за борт можно упасть. И потом я не знал, как насчет морской болезни - выдержу или нет. Обошлось благополучно: потошнило полчаса - и на этом закончилось.

Работа чудовищно трудная, конечно. Работа грузчика, да еще когда палуба из-под ног уходит. Но я был лыжником, велосипедистом, штангистом, физически вполне подготовлен. Но все это происходит при качке. Валит с ног. Спать трудно - на койке перекатывает с боку на бок. И влажность - подушка, простыня влажные, мельчайшая пыль водяная, морской воздух. Штормы были. Помню, шторм продолжался 19 дней. А через месяц я уже обвыкся. Потом до того разохотился, что даже хотел в следующий рейс идти. Но тут вышла моя книжка. Даже капитан не знал, кто я и что я. Я прислал ее ему, он удивился: "Этот матрос же даже газет не читал, лежал и только записывал в блокнотик. А оказывается - книжку писал".

- Вы не ходили сейчас на свою московскую квартиру?

- Я не узнал свой дом, пятиэтажку в районе станции метро "Пионерская". Все заросло. Деревья, которые я когда-то сажал, выше крыши. В моей квартире - железная дверь. Я зашел к соседке - 21 год прожили рядом...

- Визит в Москву не навеял желания написать что-нибудь?

- Я уже давно пишу роман из своей собственной жизни. Впервые решил попробовать. До сих пор писал о других. Роман охватывает примерно 45 лет жизни - с 1946 года. Тогда - реальная история! - мы с другом, два суворовца, и с нами девочка пошли к Зощенко после ждановского постановления выразить свое сочувствие. Это роман о том, как впервые человек встал на тропу сопротивления и как он всю жизнь не мог с этой тропы сойти. А заканчивается роман августом 1991 г., когда памятник Феликсу Эдмундовичу поднимают краном. Для меня это был конец той эпохи.

Я дважды наблюдал такой символический момент - первый раз, когда рушили Берлинскую стену в 1989 г. С этого начинается роман и этим кончается. А между ними период - начало писательства, "Новый мир", арест в 1952 г. моей матери. Я тогда уже окончил Суворовское училище, заканчивал университет, а она была преподавателем русской литературы и языка. Суд над матерью был в августе 1953-го, уже Берию арестовали. Тем не менее ей дали 10 лет. Около 9 месяцев она просидела в одиночке. Потом была амнистирована в 1955 г. по болезни как инвалид, потому что в бараке обрушился потолок, она получила травму головы. А полная реабилитация была в 1956 г., и тут мне помог Константин Симонов.

Фото Сергея Иванова

- Как вас нашел ваш издатель Борис Гольдман?

- Это был случайный звонок в апреле прошлого года. Звонит человек, говорит: "Мы с вами незнакомы, но ваши книги стали моими настольными. Я хотел бы издать ваши сочинения". Я сначала подумал, что это какой-то розыгрыш. Но все так и вышло! Это был первый его опыт книгоиздания.

- А на Западе интересуются вами как писателем?

- Немцы перевели уже "Генерал и его армия". Потом поляки взяли и китайцы, как ни странно.

- Вы живете на гонорары?

- Я политический беженец. Как только меня в России лишили гражданства, мне дали политическое убежище. Помогли с квартирой. Жилье оплачивается, но не целиком. Дали на обустройство сумму - 3 тыс. марок, чтобы купить стол, кровать, книжные полки. А источники заработка? Конечно, гонорары.

- А есть к кому на чашку чая зайти?

- В моем городке - нет...

Марьяна ЮЛИНА,
Марина МУРЗИНА

Аргументы и факты — 1998, — июнь (№ 24) (№ 25)